

ARGUMENTUM AD HOMINEM: ВОЗМОЖНОСТЬ ЕГО КОРРЕКТНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ПУБЛИЦИСТИКЕ

Argumentum ad hominem («переход на личности») – грубое нарушение смысловой корректности текста – логическая уловка, недопустимая в респектабельной публицистике. Однако это явление неоднозначно и не только отрицательно. Это весьма выразительный и привлекающий внимание прием, и талантливые литераторы могут применять его культурно и плодотворно, с пользой для художественных целей. Один из наиболее типичных способов его переосмысления – «отзеркаливание» чужой речевой манеры и высмеивание авторов, прибегающих к «переходу на личности». Такие авторы делают это грубо и примитивно, а их обличители превращают данную уловку в остроумный метод пародии.

Как можно не дать в морду, если она – морда?

Е. Евтушенко. «Ягодные места»

(...) что это вы так выражаетесь: по морде засветил? Ведь неизвестно, что именно имеется у человека, морда или лицо. И, пожалуй, ведь все-таки лицо.

М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»

«Аргумент к человеку» (*argumentum ad hominem*), в менее формальном варианте – «переход на личности», представляет собой двойное отступление от нормы: во-первых, нарушает правила строгой логической аргументации, выступая как логическая уловка («паралогизм») или – реже – как неумышленная ошибка, и, во-вторых, он не соответствует нормам культурного поведения. По этим причинам «аргумент к человеку» создает откровенно отрицательный имидж тому, кто его использует. Считается, что он недопустим в корректной дискуссии, а также – в респектабельных СМИ в целом: спорить нужно с доводами, а не с личностью. Публицист, уважающий себя, оппонента и аудиторию, в принципе не должен так поступать. С другой стороны, этот прием *амбивалентен*: он обладает большой воздействующей силой на читателя (слушателя): такой текст трудно не заметить и не запомнить – именно за счет производимого им «культурного шока». Поэтому «аргумент к человеку» распространен не только в «желтой» прессе, но даже в серьезной публицистике, в которой автор обязан соблюдать нормы, в том числе моральные ограничения.

Покажем это на примере статей одного из наиболее ярких современных публицистов – литературоведа В.С. Бушина. Он по-

зиционирует себя как культурный и респектабельный литератор, подчеркивает нравственное и эстетическое превосходство над своими неолиберальными оппонентами – даже не собственное, а «патриотического» лагеря, к которому он относится. Необходимо подчеркнуть: это проявление не его человеческой индивидуальности, а определенной эстетической позиции. Высокая мораль патриотических сил должна получать художественное (т. е., в конечном итоге, языковое) выражение. В отличие от демонстративно некультурных или антикультурных публицистов наподобие Э. Лимонова (чья «антикультурность» – тоже часть «имиджа», а не только отсутствие воспитания) Бушин подчиняется правилу «noblesse oblige»: как фронтовик, уважаемый филолог, просто человек преклонных лет, он обязан хранить достоинство и степенность. Но, с другой стороны, блестящий и темпераментный полемист, Бушин не хочет отказываться от сильного приема и грамотно эксплицирует таящиеся в нем экспрессивные возможности. Это связано с большим риском: неудачное, несправедливое, бесчеловечное обыгрывание *argumentum ad hominem* ставит под удар репутацию самого полемиста. Но тем интереснее стоящая перед ним творческая задача.

Мало того, Бушин ее дополнительно усложняет, избирая наиболее неприемлемую форму *argumentum ad hominem*: обыгрывание дефектов внешности оппонента – абсолютно «запрещенный» прием. Впрочем, где именно запрещенный? Табу на физиогномическую заостренность нет ни в художественной литературе, где портрет издавна исполь-

зуется как средство разоблачения персонажа, ни в политической карикатуре. Поэтому Бушин создает для своих текстов *синтетический жанр*: это отчасти научные тексты (филологические, исторические), отчасти собственно публицистические (фельетоны, памфлеты) и – в огромной степени – художественные. Таким образом, Бушин вписывает данный прием в культурный контекст: то, что недопустимо в чистой публицистике, возможно в синтетическом литературно-публицистическом произведении.

Использование *argumentum ad hominem* как подчеркивание морального уродства врага через уродство его внешности мы называем «физиогномическим принципом», хотя и не в смысле физиогномики Лафатера или Ломброзо. Мы не придаем их физиогномическим учениям серьезного значения и не пользуемся их методикой (т. е. не считаем, что характер человека выражается через внешность и что человек с определенными чертами лица предрасположен к определенным преступлениям), для нас это не более чем метафора.

Бушин употребляет «аргумент к человеку» как *рефлективный прием*, то есть он «отзеркаливает» поведение своих персонажей, тем самым максимально отводя от себя обвинения в переходе на личность: это *другие* ведут себя неприлично и, что важнее, *провокационно*. Бушин только отвечает им, по своеобразному «закону талиона»: око за око, зуб за зуб и т. д.: «*И мы не стали бы говорить* (важнейшее замечание! Курсив везде наш. – А.Ф., С.К.) ни о фронте, ни о каторге Солженицына, если бы он, напаялив личину пророка, объявив себя Мечом Божьим, в первом случае не оказался бы хвастуном и крохобором, а во втором, то и дело талдыча о своем христианстве, не стал бы так злобно глумиться над каторгой Достоевского с ее кандалами и вшами, смрадным ложем в три доски и тараканами во щах, с ее тяжким трудом и тремя нерабочими днями в году» [2, с. 232].

В этой связи отметим важнейшую деталь: Бушин часто прибегает к этому сильному приему не по любому поводу, а именно тогда, когда его оппоненты сами ведут себя «не мелко», замахиваясь на великих людей. Так, А. Солженицын отказывается

признавать тяжесть каторжных испытаний Достоевского (превознося свои собственные), Е. Евтушенко в статье «Фехтование с навозной кучей» рисует полукарикатурный образ Шолохова, тренер А. Гомельский издевается над внешностью Сталина и т. д. В ответ на реплику Гомельского о «страшном» и «рябом» лице Сталина Бушин пишет: «Ну а если и были даже самые ужасные следы (оспы. – А.Ф., С.К.), что за *грех*? Ведь это следы болезни, и только. Против нее в царское время, когда родился и почти до сорока лет жил Сталин, боролись мало, плохо, вот он в детстве и переболел ею. Так *прилично* ли баскетболисту-гуманисту говорить *с отвращением о печальных следах болезни*? Тем более, что самому-то крупно повезло: родился в прекрасное советское время, когда прививку от оспы делали всем, притом бесплатно, вот Советская власть и защитила Сашеньку Гомельского от заразной болезни. А главное, да мало ли было в истории самых замечательных людей с теми или иными физическими недостатками. Гомер был слеп, Бетховен глух, Кутузов – одноглаз, Наполеон был небольшого роста и имел пузцо, Байрон – хром, наш знаменитый адмирал Исаков – без ноги, и т. д. Ну, позлорадствуйте над ними, Гомельский. Однако не забудьте, сам-то каков? Вот уже лет сорок лысый, будто колено, нос – что твой паяльник... «Разве мама любила такого?..»» [3]. Бушин подчеркивает некультурное, неприличное (подразумевается, что и *не христианское*) поведение оппонента, неблагодарное отношение к Родине, т. е. сначала подчеркивает его *правственную* ущербность – и лишь затем говорит о физической непривлекательности.

В приведенном отрывке проявляется еще одна типичная черта бушинского стиля – *введение* «аргумента к человеку» в культурный контекст. Т. е. Бушин ведет себя прямо противоположно своим противникам, которые «переходят на личности» в ситуации вульгарного обывательского скандала. Бушин как бы призывает себе на помощь литературу, вообще мир настоящей культуры – против псевдокультуры. Фраза «Разве мама любила такого?» отсылает к стихотворению В. Ходасевича «Перед зеркалом».

Аналогичным образом – с классической цитаты – начинается его пассаж против Евтушенко – опошлителя Шолохова: «Подобные вещи случаются в литературе нередко. Кто не помнит восклицания Флобера: «Эмма Бовари – это я!» И вы в своей «Навозной куче» создали образ не великого писателя, а свой собственный. Вплоть до мелочей» [2, с. 149]. А далее Бушин применяет еще один характерный для него прием – «окультуривает» *argumentum ad hominem* на сей раз за счет весьма изысканной риторики: «Вы нарядили своего Шолохова во все заграничное, шведское «яркого современного дизайна», – он полжизни проходил в гимнастерке, а вы всю жизнь, как петрушка, плялите на себя этот самый заморский дизайн. Ваш Шолохов брехлив и безответствен, – это вы, а не он. Ваш Шолохов источает «провинциальное чванство», – это вы, а не он. Ваш Шолохов нахваливает вас: «Мой любимый поэт... Ты у нас талантище», – это вы так о себе думаете и говорите, а не он о вас. Ваш Шолохов, желая поразить воображение столичного гостя, разбрасывает на письменном столе старые письма с иностранными штампами, будто они недавно получены, – это вы способны на такие мелочные комические проделки литературного папуаса, а не он с его мировой славой» [там же]. Здесь используется не просто градация и даже не просто анафора и эпифора, а весьма редкий прием – *симплога*, т. е. одинаковое начало и окончание каждого звена в этом сложном синтаксическом целом («Ваш Шолохов... – ...это вы, а не он»). Конечно, Бушин не всегда повторяет эту структуру буквально, она иногда подвергается синтаксическим трансформациям, но в целом выдерживается. Т. е. к приему «перехода на личности» присоединяется риторическая красота.

И, наконец, самое главное. Как мы уже показали, использование *argumentum ad hominem* у Бушина имеет *системный характер*, т. е. употребляется не изолированно, а в комплексе закономерно возникающих, органично связанных с ним средств «окультуривания», эстетизации приема и перенесения ответственности на оппонента.

Но системность в использовании данного приема проявляется у Бушина и по-другому. Так, например, в статье о Е. Гайдаре «Харяграф» [1] *argumentum ad hominem* очень изобретательно реализуется на самых разных уровнях организации текста. Уже каламбурное заглавие статьи не только аттрактивно (т. е. служит привлечению внимания читателей), но и эстетически наполнено: Бушин создает стилистически сниженный окказионализм, выражающий контраст между изящным искусством русского балета – хореографией – и вульгарностью гайдаровской риторики, причем «автором» стилистически сниженной компоненты окказионализма является *сам* Гайдар (как мы увидим позже).

Бушин начинает статью с карикатурного, но меткого портретирования Гайдара: «Вы обратили внимание? Гайдар разбушевался. Да как! Недавно на каком-то демократическом симпозиуме, коллоквиуме, саммите или сходке забрался на трибуну или на ящик из-под пива, и все ахнули: лицо бледно-зеленое, пудовые щеки трясутся, шесть волосиков на темечке – дыбом, стеклянный взгляд уперся в какую-то невидимую ненавистную точку, пальчики-сардельки нервно шевелятся, с носа капает... Ужас!». Таким образом автор создает экспозицию и косвенно намечает центральную для его статьи «физиогномическую» тему.

Затем он цитирует финал гайдаровской речи, объясняя, *что* именно привело оратора в такое нервное состояние – и, соответственно, столь явно отразилось у него на лице: «А закончил оратор так: «Из-под красных знамен КПРФ все чаще вылезает *коричневая морда!*» (...) Ведь как емко сказано! Какая пронзительная образность! Сразу видно, что гены у оратора не какие-нибудь, а именно писательские: «коричневая морда»... Этому может позавидовать даже известный сын юриста». (Сопоставление Гайдара с Жириновским едва ли случайно, ибо последний – не только эталон отвратительного поведения и вульгарности. Этих персонажей можно сравнивать с физиогномической точки зрения.) Автор не просто высмеивает глупое выступление и невоспитанность одиозного персонажа. Бушин обращается к его

писательским корням (внук А. Гайдара и П. Бажова, а также сын журналиста Т. Гайдара) и, с одной стороны, *связывает Гайдара с литературной традицией*, а с другой – уже здесь заявляет о его *несовместимости* с ней (оборот «коричневая морда» в устах потомка литераторов звучит воистину несуразно). Впоследствии эта тема развивается как художественный лейтмотив текста.

Бушин возвращается к «физиогномическому» аспекту: «Правда, когда бледно-зеленого оратора сняли с ящика из-под пива (...), кто-то сказал: «Неужели Егор Тимурович – наша гордость и краса (!), никогда не смотрелся в зеркало?» (...) Действительно, ведь на его «морду» *любой может ответить: «От морды слышу»*. Но коммунисты деликатно промолчали». Напоминаем, что промолчали те, кого Гайдар обозвал «мордами», – таким образом автор обозначает свою любимую тему нравственного и культурного превосходства «патриотов». Но в его словах содержится и довольно лукавая ирония: хотя никто из коммунистов не сказал: «От морды слышу», сами эти слова в тексте присутствуют (впрочем, нечто подобное прозвучало: сказал же кто-то про зеркало). Более того, Бушин заявляет, что они были бы естественны и справедливы в такой ситуации. Бушин реализует здесь уже знакомый нам рефлексивный принцип: переход на личность Гайдара был бы только адекватным откликом на его провокацию. Но в этом фрагменте есть еще один смысловой нюанс: если провокатору не ответили, это не значит, что реакции вообще не будет. Ему не отвечают только на «морду».

Затем Бушин сообщает, что Гайдар, «[в]дохновленный успехом у дам своего недавнего афоризма насчет морды, (...) решил *повысить градус* своей ненависти к коммунистам и брякнул (...): «Из-под красных знамен КПРФ все чаще вылезает коричневая харя!» Чуете? Уже не морда, а...». Вот именно это слово – «харя» – и становится поводом для ответа и для полномасштабного использования *argumentum ad hominem*. Благовоспитанный старый критик долго воздерживался, но сколько можно терпеть чужую бесцеремонность! Автор снимает с себя от-

ветственность. Даже заглавие статьи, формально придуманное Бушиным, тоже исходит от Гайдара («харяграф» – тот, кто описывает своих оппонентов с помощью словечка «харя», т. е. сам грубо переходит на личности). Отдельного внимания заслуживает оборот «*повысить градус*». Даже в этом Гайдар подает пример Бушину: ведь тот ему ответит уже не по «закону талиона» (око за око, зуб за зуб, «харя» за «харю»), а с большим семантическим и экспрессивным приращением. Если персонаж фельетона «повышает градус» агрессивности, то и автор может позволить себе нечто подобное.

Но – в другом тоне и стиле. Он не имеет права опускаться до вульгарной ругани. И тогда Бушин избирает тактику Сирано де Бержерака из комедии Э. Ростана. Когда светский хлыщ де Вальвер, желая оскорбить его, говорит: «Ваш нос велик ужасно», Сирано замечает: «Вы не были красноречивы. / / Нет, не шутя я нахожу, // Что лучше пошутить могли вы, // Все время изменяя тон, // Могли не пощадить вы носа, // Могли сейчас со всех сторон // Коснуться этого вопроса» [6, с. 227]. И далее следует каскад остроумнейших примеров. Но поскольку ученик проявляет феноменальную тупость, то к уроку красноречия Сирано добавляет еще урок литературы: объясняет де Вальверу, что такое баллада, а в виде иллюстрации устраивает с ним дуэль, одновременно импровизируя балладу о ней, и поражает противника на последней строке – т. е. *шутка завершилась предельно серьезно*.

Практически все то же самое делает Бушин, который преподает Гайдару уроки риторики, но в большей степени – литературы. И здесь он делает еще один шаг, дополнительно оправдывающий аккумулярованное (в смысле стилистики декодирования) использование *argumentum ad hominem*: от публицистического регистра он переходит к художественному – создает бурлескную фантазию о «литературном кошмаре» Гайдара, у которого немало «огорчений с русской литературой, *плотью от плоти которой он, казалось бы, является*. Вот, допустим, пошел он в Малый театр на спектакль по пьесе Островского «Свои люди – сочтемся». А там один

персонаж говорит: «Еще рылом не вышли-с в собольих-то салопах ходить». Рылом? И у реформатора сразу мысль: «Это не обо мне ли, когда я сидел в кресле премьера?». Вот захотел он полистать кое-что из литературы прошлого века, решил начать аж с «Юрия Милославского» Загоскина и вдруг читает: «– Эй, боярин! Посмотри хорошенько на эту рожу. Ну можно ли с такой образиной не быть разбойником?» Тотчас бросает книгу, бежит к зеркалу и с ужасом думает: «Неужели и обо мне так говорят?..». В известном смысле это не только фантазия, но и «фантастика»: подразумевается, что Гайдар как раз не читал русской классики или, по крайней мере, ничего из нее не помнит – представители «патриотического» лагеря считают невежество фундаментальным признаком «неолибералов» (и не без оснований). И далее следует лавина цитат, скорее всего не известных персонажу фельетона – из Пушкина, Белинского, Гончарова, Гоголя, Салтыкова-Щедрина, Достоевского, Лескова, Чехова, Бунина, Соколова-Микитова, Горького... Причем последняя цитата выглядит вообще символически: «Наконец, прекрасен и горьковский вариант: *«Исчезни, морда! (...)*» – из «Жизни Клима Самгина»».

Бушин бьет противника его же оружием, но безжалостнее и резче и при этом талантливо и культурно. Как и в случае с Сирано де Бержераком, шутка доходит до гротеска, до буффонады, но заканчивается очень серьезно. Бушин завершает свою литературную эскападу весьма глубокой мыслью: вся русская литература буквально вопиет против Е. Гайдара и ему подобных. Он несовместим не только со своими прославленными дедами, но и со всей русской литературой, русской культурой: «Поняли вы теперь, в чем причина бешености Гайдара?.. Да очень просто! Видя, что *вся русская литература изобличает «жирную морду», «подлую рожу», «сытую харю»* и т. п., (...) он пытается к нему лично относящимися кличками забросать своих противников». Автор статьи поддерживает свою позицию нравственным авторитетом русской литературы, говорит от ее имени – как человек, профессионально связанный с ней и хорошо ее знающий.

И, наконец, Бушин ставит очень выразительную точку – возвращает Гайдару его метафору, и снова через посредство литературного контекста: «Иван Андреевич Крылов в бессмертной басне «Свинья и Дуб» сказал о первом из этих персонажей: «Когда бы вверх могла поднять ты рыло...» Но бледно-зеленое рыло, вылезшее на свет Божий из-под эмблемы «Демократического выбора России», не в силах сделать это, оно может только хрюкать да чмокать».

Литературный подтекст последних слов гораздо глубже и интереснее, чем воспринимается на первый взгляд, и проявляется это латентно – на интертекстуальном уровне. Бушин не только приводит плоско-вульгарные реплики Гайдара в более подобающий вид. Ведь сама басня Крылова связана с ситуацией *переадресовки оскорблений*, о чем хорошо известно литературному критику. В романе В. Дудинцева «Белые одежды» лысенковка Анна Богумиловна Побыхо обличает генетика профессора Хейфеца: «Мне непонятна его подчеркнутая оппозиция (...) к советской науке, непонятны его поза и действия, напоминающие действия известного крыловского персонажа по отношению к питающему его дубу...», на что Хейфец отвечает: «А сейчас я хочу вернуть Анне Богумиловне ее художественный образ, позаимствованный ею у дедушки Крылова», затем напоминает ей, что сорта пшеницы, которые она считает своей заслугой, выведены путем рентгеновского облучения семян: «(...) дуб, который дал вам эти желуди, подрывать, Анна Богумиловна, не годится. Это недостойно» [5, с. 81, 82]. Хейфец не только переадресует ее выпад ей самой, но, что важнее, художественно исправляет ее примитивное хамство, вводя ее реплику в более подобающий контекст. Точно так же Бушин поступает с Гайдаром. Таким образом, для *argumentum ad hominem* возникает дополнительная мотивировка: *оппоненты провоцируют его употребление не только своим хамством, но и бездарностью*. Они сами так плохо используют данный сильнодействующий прием, что просто необходимо поучить их, как это делается. В известном смысле это услуга, оказанная врагу, – бескорыстное просветительство.

Интересен еще один момент, связанный с интертекстуальностью. Неолибералы декларативно превозносят толерантность, а цитата из Вольтера «Мне не нравятся ваши убеждения, но я готов отдать жизнь за ваше право их высказать» стала у них расхожим лозунгом. Однако в их литературе есть множество текстов прямо противоположного содержания. Замечательнее всех, пожалуй, следующий анекдот, сочиненный С. Довлатовым: «В молодости Битов держался агрессивно. Особенно в нетрезвом состоянии. Как-то раз он ударил Вознесенского. Это был уже не первый случай такого рода. Битова привлекли к товарищескому суду. Плохи были его дела. И тогда Битов произнес речь. Он сказал: – Выслушайте меня и примите объективное решение. Только сначала выслушайте, как было дело. Я расскажу, как это случилось, и тогда вы поймете меня. А следовательно – простите. Потому что я не виноват. И сейчас это всем будет ясно. Главное, выслушайте, как было дело. – Ну, и как было дело? – поинтересовались судьи. – Дело было так. Захожу в «Континенталь». Стоит Андрей Вознесенский. А теперь ответьте, – воскликнул Битов, – мог ли я не дать ему по физиономии?!» [4]. Агрессию этих людей порождают даже не поступки ближнего. Он раздражает их самим фактом своего существования. Эпиграф к этой статье, взятый из Евтушенко, также очень красноречив. «Морда» – понятие экзистенциальное: она просто есть у человека, словно каинова печать. Человек может ничего и не делать, но если у него «морда» – это уже смертный грех, и все

остальные фатально вынуждены по ней бить. Неолибералы убеждены, что все люди разделены свыше на «чистых» и «нечистых», и последних можно опознать именно по «морде». Признаки ее известны только избранным. Разумеется, неолибералы не сомневаются в своей избранности и не допускают даже мысли, что у них самих может быть что-либо иное, кроме лиц.

А вот Бушин эту нелепую для них мысль допускает, но подчеркивает, что он оставил бы оппонентов в приятном заблуждении, если бы они хотя бы не злоупотребляли переходом на лица. Он напоминает им их собственные идеологические постулаты: будьте последовательны; если вы отстаиваете плюрализм и уважение к любой личности – извольте уважать ее на деле. Хотя бы потому, что неолибералы уязвимы в такой же, если не в большей, степени, что и жертвы их издевательств. Но возмездие может быть намного более неприятным, потому что, во-первых, оно справедливо (в отличие от вульгарной брани и клеветы неолибералов) и, главное, хорошо *аргументировано*; во-вторых, оно обрушивает на оппонентов их собственную манеру поведения, но доведенную до гротеска (вернее, до логического завершения) и, в то же время, эстетизированную – и за счет этого действительно опасную. *Argumentum ad hominem* недопустим только в виде откровенной речевой агрессии, примитивной грубости, но рефлексивное речевое поведение как талантливое, художественно изощренное пародирование эффективно и оправдано, в том числе с этической точки зрения.

Список использованной литературы:

1. Бушин В.С. Харяограф – <http://zavtra.ru/cgi/veil//data/zavtra/99/272/31.html>.
2. Бушин В.С. Честь и бесчестье нации. – М., 2003.
3. Бушин В.С. GVADELUPЩИНА (О «Московской care» и пр.) – <http://zavtra.ru/cgi/veil//data/zavtra/04/579/51.html>.
4. Довлатов С. Соло на ундервуде – <http://dovlatov-sergey.planetaknig.ru/read/4745-10.html>.
5. Дудинцев В. Белые одежды. – М., 1988.
6. Ростан Э. Пьесы. – М., 1983.

27.06.06 г.